

А. Н. Шевелев

СУБКУЛЬТУРА ПЕТЕРБУРГСКИХ ГИМНАЗИСТОВ: ВЗГЛЯД УЧЕНИКОВ

УДК 37(091)9093)
ББК 74.03(2)5ю14

Традиционное для истории педагогики рассмотрение школьной среды петербургских дореволюционных гимназий через категории учебного процесса, воспитательной системы и сообщества педагогов, основанное на официальных исторических источниках, как правило, не включает взгляда на учебное заведение его учеников, что снижает историческую реальность создаваемой историками педагогики картины прошлого. Восполнить этот пробел способен типологический анализ мемуаров петербургских гимназистов, представленный в данной статье.

Ключевые слова: дореволюционная петербургская школа; воспоминания петербургских гимназистов; гимназическое обучение; воспитательная система гимназии; товарищество гимназистов.

A. N. Shevelov

THE SUBCULTURE OF ST. PETERSBURG HIGH SCHOOL STUDENTS: STUDENTS' VIEW

The traditional history of education consider the school environment of St. Petersburg pre-revolutionary grammar schools through the categories of the educational process, educational system and community of pedagogues, based on official historical sources, but, as a rule, it does not include a look at school of its disciples, that reduces the historical reality created by the historians of pedagogy in the picture of the past. This article presents typological analysis of the memoirs of St. Petersburg high school students to fill this gap.

Key words: pre-revolutionary St. Petersburg school; memories of St. Petersburg high school students; secondary education; educational system of a grammar school; the partnership of high-school students.

Именно мужские гимназии достаточно полно представляют дореволюционную петербургскую школу и максимально обеспечены воспоминаниями. Линии сравнения мемуарных свидетельств разных лет и разных школ включают вопросы организации обучения и воспитания, отношения учащихся к педагогам и друг к другу (феномен «товарищества» или собственно субкультура учащихся в современной терминологии). Это яркий совокупный образ *alma-mater*, оставшийся в памяти бывших гимназистов, созданный на основе авторского анализа 35 текстов воспоминаний по шести петербургским гимназиям, характеризующих разные периоды их развития.

Мемуары первой половины XIX в. показывают сугубую официальность учебных отношений педагогов и гимназистов. «Всякий учитель преподавал, что хотел и как хотел. Программ не было, во всяком случае, ученикам они не были известны, они занимались, как хотели, весь страх состоял в опасности получить дурной балл да еще, если вздумается учителю почесать руки, в потасовке, которую он задавал ученику за незнание урока»¹.

Учителя в большинстве случаев требовали вызубренных по книге знаний без проверки их понимания, гимназисты стремились спастись от опроса, отвлекая («заговаривая»)

педагога, симулируя болезнь или уходя с урока под любым предлогом (лучше быть выгнанным, чем получить «неудовлетворительно»), ища способ подсмотреть, списать, даже подменить экзаменационные билеты. Успешные попытки запоминались, педагоги знали об этом и безмолвно требовали одного — не попадаться. «Если на урок заходил директор или инспектор, учитель прерывал рассказ и начинал спрашивать, вызывая лучших учеников, чтобы показать товар лицом. Благодаря примеру учителей, среди нас развился своего рода спорт, чтобы, не зная урока, обмануть преподавателя. Чем старше были гимназисты, тем изворотливее, чем и похвалялись перед товарищами»². Пером писали на плохого качества бумаге, что не давало возможности успеть за пояснениями учителя. Зубрежка заданного на дом отнимала от 3 часов и более.

Такое состояние постепенно менялось к старшим классам по мере оставления в гимназии наиболее мотивированных к обучению учеников и с преподаванием у них более подготовленных педагогов.

Наибольшие сложности вызывало изучение иностранных языков. Изучение их строилось в первой половине XIX века по уровню индивидуальной подготовленности в разновозрастных группах. Изучение грамматических правил, зазубривание значения

¹ Петербургская бывшая Третья гимназия, ныне 13 советская трудовая школа. За 100 лет. Пг., 1923. — С. 143.

² Вторая Санкт-Петербургская гимназия. 190 лет истории (1805–1995): По материалам исторической записки, школьного музея и воспоминаний выпускников / Сост. Н. Е. Воробьев. СПб., 1995. с. 28.

слов, механическое списывание иностранных текстов — все, что подробно критиковалось современниками и историками педагогики, мемуаристы с разными вариациями подтверждают. Наибольшую ненависть учащихся вызывали экстемпорале (переводы с русского на древние языки). Заданный на дом перевод заставлял гимназистов собираться на квартире успевающего ученика, с перевода которого списывали остальные, не останавливались, при случае, похвастаться знанием назизусть латинских стихов и изречений.

При этом мемуары показывают, что дело было не столько в трудности самого учебного предмета и методах его преподавания, но и в способности хорошего педагога изменить эту плачевную картину к лучшему, заинтересовывая детей и достигая усвоения: «Ведь от того, что учитель влюблен в свой предмет и ученики относились к нему не с тоской и озлоблением, а, во всяком случае, с интересом и любопытством», — отмечал мемуарист¹.

Многие петербургские учителя в 30–40-е гг. XIX века назначали аудитора (одного из успевающих учеников), доверяя ему опрос домашнего задания и выставление предварительных оценок. Результаты диктанта могли проверяться учениками друг у друга (с негласным запретом «жилить» ошибки). Разбор же по очереди на доске ошибок заставлял многих лишь дожидаться правильного написания. Явное оживление вызывали коллективные формы работы в

классе (например, поиск специально опущенных в тексте учителем подходящих слов). Для запоминания географических сведений часто использовали перерисовку за учителем схем. Серьезным средством развития стали литературные и читательские беседы в 1845–1855 гг., сочетавшие навыки ученического реферирования и сочинительства со своеобразными чертами клуба учеников и педагогов по интересам.

Особо запоминались мемуаристам экзамены. Тайна экзаменационных тем была относительной при наличии у родителей полезных связей в МНП. «Экзаменационная латинская работа была нам известна. Кое-кто из родителей товарищей пробрался в министерство просвещения, каким-то образом получил латинскую тему и передал ее на товарищеское предварительное рассмотрение. Говоря честно, мы знали тему и как с ней справиться»². В большинстве случаев, по мнению мемуаристов, годовые отметки гимназистов совпадали с результатами экзаменов.

Главным отличием петербургских мужских гимназий в первой и второй половине XIX мемуаристам виделось «... большое разнообразие степени развития учеников одного класса в гимназиях конца 1840-х гг. Нынешние гимназисты по познаниям и развитию гораздо ровнее. В старое время в одном классе можно было оставаться по несколько лет сряду, старички часто поражали своим невежеством и нераз-

¹ 50-летие школы К. И. Мая (1856–1906). СПб., 1907. С. 132.

² Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. СПб., 1999.

витостью, приходящие учились хуже пансионеров. Теперь такой разницы не заметить»¹.

Борьба за сотые доли выставляемых баллов и пересаживание успевающих учеников на более престижные места во время урока порождало соревновательность и оживляло занятие. Большое значение, наряду с увлекательным рассказом педагога как главным впечатлением, для авторов воспоминаний имело постепенное развитие в петербургских гимназиях средств наглядного обучения (кабинеты, лаборатории, мастерские, учебные пособия, изготавливаемые часто самими учениками). Это касалось, прежде всего, частных мужских гимназий. Именно здесь шли на замену оценок индивидуальными характеристиками, отражавшими успехи, интересы, внимание, волю, понимание, темперамент, нравственные качества ученика, шли на отмену домашних заданий в младших классах.

При этом К. И. Май запомнился мемуаристам как педантичный сторонник строгих отметок и домашних заданий, а его преемник А. Л. Липовский отменил оценки и сократил домашние задания. Но сомнений в педагогическом таланте того и другого этот парадокс после прочтения мемуаров не вызывает. Учившийся в школе К. Мая А. Н. Бенуа, приведя сюда сына, отмечает: «Нас пичкали латынью и греческим, ни на что иное не хватало времени», добавляя, что, хотя в его ученические годы не было

таких замечательных кабинетов, просторного здания, но все равно «было уютно и мило». Таким образом, благоприятное впечатление от школы для ее учеников складывалось не как результат использования правильных методических приемов или оснащения учебного процесса, а от качеств ее педагогов и отношений в школе².

В целом, мнение мемуаристов о своей школе в контексте учебной деятельности определялось достоинствами педагогов, понятностью и наглядностью обучения, мотивацией к учебе гимназистов (ценности науки, последующего вузовского образования), демократизмом в отношениях педагогов и учеников, правом последних на собственное мнение и его аргументацию. Гипертрофированной в гимназическом обучении была роль оценки и экзаменов, которые становились наказанием и наградой, проявлением справедливого или несправедливого отношения школы к ребенку.

Воспоминания показывают, что петербургским гимназиям первой половины XIX века была свойственна достаточно упрощенная воспитательная модель: взрослые требовали беспрекословного подчинения от гимназистов, а кто из них не желал этому соответствовать — наказывался. Это вызывало объединение детей, их неосознанное сопротивление педагогическому насилию. Гимназия как первый опыт общественной жизни ребенка вне семьи создавала среди детей собственную систему ценнос-

¹ Черепнин Н. Н. Шестая петербургская гимназия моего времени (1883–1891) // Черепнин Н. Н. Воспоминания музыканта. Л., 1976. С. 104–109. С. 105.

² Бенуа А. Мои воспоминания. М., 1990. С. 78.

тей, которая вступала в противоречие с ценностями взрослых.

Нельзя уверенно говорить об эффективности религиозного воспитания в петербургских гимназиях, хотя несомненно, что оно было активным. Мемуары свидетельствуют, что если в первой половине столетия было много богомольных гимназистов, способных утром молиться перед закрытыми дверьми гимназической церкви (она открывалась только для богослужения по воскресеньям), то со второй половины XIX века доблестью стало уйти под каким-либо предлогом с церковной службы или нарушить пост¹.

Наиболее ярко отразились в воспоминаниях гимназистов наказания (порка, карцер, оставление после урока, постанова на колени, в угол, лишение еды, запись на черную доску, посадка на заднюю скамью в классе, оставление на второй год, исключение). Курение не считалось тяжелым преступлением, в старших классах курили многие. Телесные наказания были самым страшным воспоминанием гимназистов, хотя и не свершались публично. Уже сам страх подвергнуться им, попасть в руки типичного для мемуаров гиганта-сторожа из отставных солдат, оставая среди гимназистов очень немного «стойков», бравировавших тем, что порка на них не действует. Но беспощадный формализм самих наказаний часто приво-

дил к общему ощущению их несправедливости².

Безусловными факторами успешно организованного воспитания, по мнению мемуаристов, были запомнившиеся праздники (торжественные акты, благотворительные концерты, которые проводились при полной самоорганизации старших гимназистов). Особенно запоминались годовые гимназические акты, которые включали отчет о состоянии гимназии, объяснявший присутствующим педагогические принципы и особенности работы данной школы, торжественная речь или сочинение на педагогическую или научную тему кого-либо из популярных учителей. Особо запоминались талантливые напутствия выпускникам любимых педагогов в ответ на благодарственную речь гимназистов, обращенную к учителям. В этих напутствиях указывалась роль науки и образования, воли и трудолюбия, общественного служения во взрослой жизни³.

Вот, например, выдержка из такой речи, произнесенной В. Я. Стоюниным, 17 лет проработавшим в Третьей петербургской гимназии: «Пусть гимназический звонок заменится для вас постоянным тайным голосом деятельности. Без нее погубило свою жизнь много молодых людей с прекрасными идеями и высокими идеалами, — у них недоставало силы воли понудить себя

¹ Струмилин С. Г. Из пережитого. 1897–1917. М., 1968. С. 42.

² Вторая Санкт-Петербургская гимназия. 190 лет истории (1805–1995): По материалам исторической записки, школьного музея и воспоминаний выпускников / Сост. Н. Е. Воробьев. СПб., 1995. С. 28.

³ Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. СПб., 1999.

к труду и сделать его твердою опорой для своих действий и идеалов». Даже не зная об огромном авторитете этого педагога среди учеников и коллег, можно удивиться завораживающей силе этих только напутственных, неравнодушных, но, при этом, официальных слов¹.

Юбилеи гимназии воспитывали в учащихся чувство корпоративной принадлежности к учебному заведению. Они включали составление одним из гимназических педагогов исторической записки учебного заведения, торжественного акта с приглашением гостей и получением приветствий от родственных учебных заведений и именитых деятелей образования, выпускников, публикацию в прессе сообщения о юбилее, напоминании в ней о наиболее известных выпускниках как главном педагогическом результате деятельности школы. Меньшими по значимости, но важными событиями

гимназической жизни, по мнению мемуаристов, были юбилеи ее педагогов, особенно юбилеи их педагогической деятельности².

1905 г. стал своеобразной проверкой авторитета и эффективности воспитательной системы петербургских гимназий, когда молодые преподаватели стали кумирами гимназической молодежи не столько за свои педагогические качества, сколько за политическую позицию. А в требовании бастовавших петербургских гимназистов заменить уроки на лекции, явно прослеживается стремление подражать своим кумирам — студентам.

В начале XX века воспитательная работа в петербургских гимназиях стала включать пешие и лыжные походы по окрестностям и дальние экскурсионные поездки, театрализованные тематические вечера, посвященные важным историческим и культурным событиям, работу школьного театра,

¹ Петербургская бывшая Третья гимназия, ныне 13 советская трудовая школа. За 100 лет. Пг., 1923. С. 84.

² Бенуа А. Мои воспоминания. М., 1990; Вторая Санкт-Петербургская гимназия. 190 лет истории (1805–1995): По материалам исторической записки, школьного музея и воспоминаний выпускников / Сост. Н. Е. Воробьев. СПб., 1995; Гнедич П. П. Из прошлого наших гимназий // Русский вестник. 1890. № 4 (207). С. 44–74; Засосов Д. А., Лызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. СПб. 1999; Иоффе А. Ф. Моя жизнь и работа. Автобиографический очерк. Л., 1993; Кони А. Ф. Из лет юности и старости. Воспоминания // Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-т. Т. 7. М., 1969; Леваковский Н. Ю. Воспоминания // Русская старина. 1907. № 10. С. 128–136; № 11. С. 460–464; 1915. № 1. С. 188–202; Лихачев Д. С. «Я его так ясно помню...». Воспоминания о частной гимназии Лентовской // Аврора. 1981. № 9. С. 100–107; Мамантов Н. Н. На школьной скамье 75 лет назад // Прошлое и настоящее. Л., 1924. В. 1. С. 40–54; Петербургская бывшая Третья гимназия, ныне 13 советская трудовая школа. За 100 лет. Пг., 1923. С. 84; Сент-Иллер К. К. Воспоминания казенного пансионера о Третьей петербургской гимназии (1845–1852) // Русская школа. 1898. № 4. С. 31–47; № 5/6. С. 39–55; Струмилин С. Г. Из пережитого. 1897–1917. М. 1968. С. 42; Черепнин Н. Н. Шестая петербургская гимназия моего времени (1883–1891) // Черепнин Н. Н. Воспоминания музыканта. Л., 1976. С. 104–109; Шамиш И. И. Дневник (о Первой петербургской гимназии) // Русская старина. 1916. Т. № 7 (167). С. 150–157; Щиглева В. П. Воспоминания о В. И. Водовозове и Первой петербургской гимназии // Русская старина. 1886. № 11 (52); Успенский Л. В. Мои школы // Семья и школа. 1971. № 8, 9, 10.

постановки которого становились ежегодным событием жизни гимназии. Но вся эта деятельность проходила, например, в Третьей гимназии, на фоне не менее активной самостоятельно организованной группами учащихся жизни: с выпуском рукописного юмористического журнала, созданием научно-теософско-астрономического общества с любимыми учителями в качестве почетных членов, с участием в школьном самоуправлении, временно появившемся после революции, с постоянными встречами на «Священной горе» школьной крыши или в садике Спасо-Преображенского собора. С шалостями, выражавшими не столько дурные наклонности, сколько подростковую браваду и героику «из духа противоречия», и первой юношеской влюбленностью. Удивительные по эмоциональной силе воспоминания Б. Окунева важны не только как источник информации, но и как образ школы, складывавшийся в сознании гимназистов. Они показывают удивительно высокий уровень интересов гимназистов в голодающем послереволюционном Петрограде, которым была свойственна напряженная жажда познания в учебе, не в той, рутинной, за оценки, а в подлинном юношеском поиске истины, интересов с творческими поисками на театральном, литературном, общественном поприще, которые не мешали напряженной и тяжелой учебе. Интересов, которые вступали порой в противоречие с позицией педагогов,

но педагогов думающих, подлинных, создавших эти интересы у детей, понимающих их и достигающих понимания гимназистами достоинства и значимости их педагогической деятельности¹.

Это целый гимн настоящей петербургской школе, которую мемуаристу посчастливилось закончить, из которого становится ясно, что непременными ее атрибутами должны быть энергетика духовной деятельности, разнообразие детского творчества, высота и цельность нравственного и креативного примера педагогов, отсутствие противоречия между формальными правилами школьной дисциплины и состоянием субкультуры школьников данного учебного заведения.

Эти элементы включала и образовательная среда самого известного в дореволюционном Петербурге учебного заведения — школы К. И. Мая. В нее входили подробные индивидуальные характеристики каждого ученика, памятные вечера в честь исторических событий, лекции-доклады учеников или педагогов, концерты, кружки (технический, авиационный, фото), выпуски Майского сборника, экскурсии и поездки в другие города, состязания спортивных команд².

Напрашивается вывод, что в этих формах воспитательной деятельности все привычно для современной школы. Тогда, в начале XX века, эти формы были новаторскими, приветствовались, встречали, как и все новое, сопротивление, которое постепенно

¹ Петербургская бывшая Третья гимназия, ныне 13 советская трудовая школа. За 100 лет. Пг., 1923.

² Успенский Л. В. Мои школы // Семья и школа. 1971. № 8, 9, 10.

преодолевалось. В этих формах кипела жизнь, педагогическое творчество. Со временем произошла их формализация, «окоственение». Плоха или хороша не педагогическая форма как таковая, а наличие или отсутствие в ней жизни, творчества. Только творческий поиск, энергия педагога способны эту жизнь вдохнуть, сделать жизнь школы памятной, достойной отражения в воспоминаниях.

Таким образом, на основании использованных мемуаров о петербургских мужских гимназиях возможно создание обобщенного образа идеальной петербургской школы с позиции самих учащихся. Ценным является выстраивание такой модели не на основе опыта отдельной школы или теоретических умозаключений, а на основе комплекса мнений выпускников, делающего этот идеал исторически репрезентативным.

Проанализированные воспоминания позволяют разделить педагогов петербургских гимназий исследуемого периода на три группы — плохих, средних и «истинных» (термин мемуариста), выдающихся, пусть и в рамках данной школы. В то же время следует отметить субъективность, порой противоположность оценок мемуаристами одних и тех же лиц. Но вся совокупность мемуаров все же позволяет составить общий комплекс профессионально-личностных качеств, присущих этим группам¹.

К группе плохих педагогов мемуаристы практически полностью относят

гимназических воспитателей-гувернеров (надзирателей) первой половины XIX века. Сюда же отнесены слабые учителя, не справлявшиеся с дисциплиной, или, наоборот, патологически деспотичные в отношении к гимназистам. «Все воспитатели никогда не интересовались учениками и смотрели на свою обязанность как на охранительскую внешнюю тишины. Отношение гимназистов к воспитателям никогда не было дружелюбным, в них они видели естественных врагов, мешающих веселиться и шалить. Существовала легенда, которая гласила, что большинство гувернеров составляли бывшие наполеоновские солдаты, взятые в плен и оставшиеся в России педагогами», — свидетельствуют мемуары².

Для слабых учителей главным средством наказания становится отрицательная оценка за незнание уроков, применяемая в гипертрофированных размерах. Если гувернеры вызывали порой достаточно сплоченное сопротивление гимназистов-пансионеров, то «нули и колы», влекущие исключение, только порождали страх: «Учитель задавал вопрос с таким явным ожиданием неудачного ответа и с таким злорадством, что все ученики понемногу начинали робеть, на весь класс ложился какой-то гнет и едва могли дожидаться звонка. Учитель, которому кличка была «Карлушка», был сам по себе вовсе не злой человек, он только попал не в свои сани»³.

¹ Струмилин С. Г. Из пережитого. 1897–1917. — М., 1968. С. 48.

² Струмилин С. Г. Из пережитого. 1897–1917. М., 1968. С. 71.

³ Петербургская бывшая Третья гимназия, ныне 13 советская трудовая школа. За 100 лет. Пг., 1923. С. 54.

Спротивление гимназистов выразилось в диапазоне от проделок с применением чернил, клея, надписей на классной доске, прозвищ, устных пародий и рисунков-карикатур на педагогов до использования против них хлопушек, кидания комков бумаги, мела, полного игнорирования урока (игры в карты, шашки на задней парте) и даже угроз физического насилия. Целью было поставить педагога в смешное положение, заставить его нервничать или даже напугать, не получив за это наказания и не подведя товарищей. Очевидно, что сделать это можно было только совместными усилиями¹.

К группе средних педагогов в мемуарах относимы те учителя, которые не запомнились мемуаристам, что является не личностной, а профессиональной их характеристикой. Причинами их профессиональной недостаточности были неспособность к понятному объяснению учебного предмета, панибратство с учениками, неумение поддерживать дисциплину, легковесное отношение к своей профессии (случайные люди, «несшие повинность» за университетское образование и большинство преподавателей иностранных языков)².

Это не значит, что большинство средних гимназических педагогов были плохи как профессионалы. Отношение к ним было различным у

разных мемуаристов: от презрительного игнорирования («большинство педагогов были, скорее, чиновники, нежели учителя») до признания, что «даже у самых слабых и невзыскательных педагогов соблюдалась хорошая дисциплина... За редким исключением, это были знающие, добрые, честные и преданные своему делу люди»³. Противоречивость объясняется разницей описываемого периода, разницей в отношении к учителям гимназистов старшего и младшего (где количество детей в классе достигало 50—60 человек) возрастов. «Если проделывались с учителями всякие дурачества в младших классах, то в старших уже ничего подобного почти не случалось, и терпели даже самых плохих», — свидетельствует мемуарист⁴.

Подлинными педагогами, число которых возросло со второй половины XIX в., но которые были представлены в ранних мемуарах, обладали собственной совокупностью характерных черт. Для петербургских гимназистов запоминавшимся были способность педагога заинтересовать учеников, сочетая понятность объяснений предмета и серьезность его изучения; умение беседовать с учениками на волнующие их темы; наличие у педагога убеждений, его «бедная независимость» по отношению к начальству и к ученикам, безукоризненная справедливость

¹ Вторая Санкт-Петербургская гимназия. 190 лет истории (1805–1995): По материалам исторической записки, школьного музея и воспоминаний выпускников / Сост. Н. Е. Воробьев. СПб., 1995.

² Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. СПб., 1999. С. 42.

³ Там же. С. 42, 88, 94.

⁴ Струмилин С. Г. Из пережитого. 1897–1917. М., 1968. С. 92.

в отношении к ним. Наличие этих свойств порождало ответное доверие гимназистов (отсутствие у таких учителей прозвищ, обычай их честования, посвящение им при выпуске торжественных речей и памятных сувениров, доверие в оценке первых литературных опытов гимназистов) и гордость тем, что довелось учиться именно у этого педагога. Мемуары не раскрывают механизма передачи «славы педагога», но дают понять, что именно такие педагоги составляли славу конкретной гимназии, куда стремились отдать детей.

Негативное отношение вызывали противоречие идеалов, к которым педагог призывал гимназистов, и его реальных поступков, отсутствие доверительности, сугубо формальное отношение к ним, установление учительского деспотизма посредством тотального контроля незнания. Наоборот, положительное отношение вызвали

сердечность, интерес к личности гимназиста, уверенность в безукоризненной справедливости педагога¹.

Именно общение с подлинными педагогами создавало для мемуаристов ценность конкретной школы, что сглаживало даже мрачное общее впечатление от нее. Воспоминания петербургских гимназистов неопровержимо свидетельствуют, что такие педагоги составляли главный элемент школьной среды. Характерно, что в эту категорию педагогов редко попадали директора гимназий, иную роль которых мемуаристы ощущали.

Способность «держат класс», страсть к предмету, работа со всеми, ироничность без оскорбительности и равнодушия — вот что составляло кредо А. Ф. Постельса, Н. Ф. Белюстина, А. Б. Шакеева, Ф. Ф. Эвальда, А. П. Алимпиева, Я. С. Ильенкова, Ф. И. Буссе, В. Я. Стоюнина,

¹ *Бенуа А.* Мои воспоминания. М., 1990; Вторая Санкт-Петербургская гимназия. 190 лет истории (1805–1995): По материалам исторической записки, школьного музея и воспоминаний выпускников / Сост. Н. Е. Воробьев. СПб., 1995; *Гнедич П. П.* Из прошлого наших гимназий // *Русский вестник*. 1890. № 4 (207). С. 44–74; *Засосов Д. А., Пызин В. И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. СПб. 1999; *Иоффе А. Ф.* Моя жизнь и работа. Автобиографический очерк. Л., 1993; *Кони А. Ф.* Из лет юности и старости. Воспоминания // Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-тт. Т. 7. М., 1969; *Леваковский Н. Ю.* Воспоминания // *Русская старина*. 1907. № 10. С. 128–136; № 11. С. 460–464; 1915. № 1. С. 188–202; *Лихачев Д. С.* «Я его так ясно помню...». Воспоминания о частной гимназии Лентовской // *Аврора*. 1981. № 9. С. 100–107; *Мамантов Н. Н.* На школьной скамье 75 лет назад // *Прошлое и настоящее*. Л., 1924. В. 1. С. 40–54; Петербургская бывшая Третья гимназия, ныне 13 советская трудовая школа. За 100 лет. Пг., 1923. С. 84; *Сент-Иллер К. К.* Воспоминания казенного пансионера о Третьей петербургской гимназии (1845–1852) // *Русская старина*. 1898. № 4. С. 31–47; № 5/6. С. 39–55; *Струмилин С. Г.* Из пережитого. 1897–1917. М. 1968. С. 42; *Черепнин Н. Н.* Шестая петербургская гимназия моего времени (1883–1891) // *Черепнин Н. Н.* Воспоминания музыканта. Л., 1976. С. 104–109; *Шамшин И. И.* Дневник (о Первой петербургской гимназии) // *Русская старина*. 1916. Т. № 7 (167). С. 150–157; *Щиглев В. П.* Воспоминания о В. И. Водовозове и Первой петербургской гимназии // *Русская старина*. 1886. № 11 (52); *Успенский Л. В.* Мои школы // *Семья и школа*. 1971. № 8, 9, 10.

Э. Э. Кесслера, П. П. Семенникова, А. Д. Мохначева и многих других¹.

«Ильенкова боялись, как огня, особенно в младших классах, но все же его уважали и любили! И все это потому, что дети обладают особым чутьем и хорошо понимают, кто их любит, а кто нет, и этого отсутствия любви не скрывать ни под какими мягкими формами условной вежливости или притворной ласки», — считает один мемуарист². «Общим любимцем нашим всегда был преподаватель математики и физики Ф. Н. Кладо, никогда не считавшийся при постановке балла с тем, какие отметки у ученика были ранее. Его общительность, веселость и чрезвычайно понятное изложение предмета действовали на нас подкупающе. Вызвав отвечать, он всегда спрашивал из всего пройденного, благодаря чему, например, я, поступая в Николаевское инженерное училище по весьма серьезному конкурсному экзамену из математики, почти вовсе не повторял старого», — продолжает другой³.

«Серьезный и сосредоточенный, сдержанный и ровный в обращении, резко отличался от всех учителей какою-то особой манерой держать себя так, что его невольно именно уважали, как мы, дети и юноши, так, сколько могли мы замечать, и все другие пре-

подаватели и начальство, как наше гимназическое, так даже и высшее, наезжавшее в гимназию. Никогда не унижал он себя до несправедливости, до раздражения, окрика или грубости, редко даже возвышал голос; никого никогда не наказывал, ни на кого не жаловался и почти, особенно в старших классах, не ставил дурных баллов, не придавая вообще баллам значения; но все мы вели себя у него в классе прилично, так что внутренняя дисциплина была у него образцовая, и все, до самых неспособных и апатичных, занимались у него — кто как мог», — резюмирует третий свои впечатления о В. Я. Стоюнине⁴.

Одни могли внушать ученикам уважение и священный трепет, другие могли быть корректны и педантичны, третьи могли позволить даже некоторое пренебрежение к оценкам, домашним заданиям. Но, несмотря на разный подход и личные свойства, они оставались уважаемы и любимы учениками. «К концу обучения между некоторыми, особо любимыми преподавателями и воспитанниками складывались доверительные и дружеские отношения. Такие преподаватели становились воспитанникам близкими людьми, так как относились к ним не только образовательно, но и воспитательно»⁵.

¹ Там же.

² Петербургская бывшая Третья гимназия, ныне 13 советская трудовая школа. За 100 лет. Пг., 1923. С. 45.

³ Черепнин Н. Н. Шестая петербургская гимназия моего времени (1883–1891) // Черепнин Н. Н. Воспоминания музыканта. — Л., 1976. С. 104–109.

⁴ Петербургская бывшая Третья гимназия, ныне 13 советская трудовая школа. За 100 лет. Пг., 1923.

⁵ Вторая Санкт-петербургская гимназия. 190 лет истории (1805–1995): По материалам исторической записки, школьного музея и воспоминаний выпускников / Сост. Н. Е. Воробьев. СПб. 1995.

Число «светлых личностей» возрастало с одной-двух до пяти-шести, но при этом внимание мемуаристов рассеивается, поэтому портреты таких педагогов становятся менее яркими и точными.

Если рассматривать школу К. И. Мая как условный идеал, то ее учителя представляли стабильный и хорошо подобранный (личные качества, опыт преподавания, духовная зрелость, принципиальность) педагогический коллектив. Он эволюционировал в течение двух поколений от большинства иностранных педагогов к большинству русских, оставался мужским, ценил научность и формировал у учащихся культуру чтения и реферирования, искал в каждом индивидуальность, а не ориентировал на среднего ученика¹.

Внутренние отношения среди учащихся петербургских гимназий представляют наименее исследованную часть их школьной среды. Именно товарищество (термин мемуаров. — Ш. А.) сглаживало многие отрицательные впечатления от школы. Честность, справедливость, смелость товарищество приветствовало, как исключало фискальство, подхалимство, ложь.

Степень развития гимназиста в первой половине XIX века была различной: большинство ленилось заниматься чем-либо полезным, кроме учебы, вырабатывало комплекс суеверий, большинство из которых были связаны с успешными ответами на экзамене. Меншинство в старших

классах организовывало стихийные литературные кружки, ученические журналы, театральные постановки².

Нравы петербургских гимназистов первой половины XIX в. были достаточно буйными. После отъезда царя, посещавшего гимназию, происходил стихийный выброс эмоций (качание гувернеров, крики и бесчинства), который начальство не могло прекратить, ибо происходило как проявление верноподданнических монархических чувств. Нередкими бывали потасовки, устраивались «бенефисы» гувернеру, где могло даже проявиться физическое насилие. По мере взросления старшие гимназисты могли становиться элементом порядка и утихомиривали младших. Столкновения происходили между классами, «реалистами» и «классиками» из разных отделений. Коллектив учащихся становился инициатором «полового просвещения» в виде анекдотов и, как правило, придуманных рассказов о своих подвигах опытных гимназистов, иногда в виде чтения эротических рукописных стихов, тайком принесенных из дома.

Наказания за многочисленные проступки также были суровыми — порка для младших и карцер для старших. Способствовала буйству нравов и большая разница в возрасте гимназистов одного класса и большое число второгодников. Пансионеры гимназий всегда отличались большей сплоченностью и буйством по сравнению сходящими гимназистами,

¹ Благово Н. В., Лихачев Д. С. Школа на Васильевском. Л., 1989. С. 151.

² Черепнин Н. Н. Шестая петербургская гимназия моего времени (1883–1891) // Черепнин Н. Н. Воспоминания музыканта. Л., 1976. С. 104–109.

что не мешало им помогать друг другу, например, угощениями, приносимыми приходящими. Объединяли гимназистов и общие мальчишеские интересы — любовь к путешествиям, впоследствии — к детективам и кинематографу.

Политика находилась для гимназистов под официальным запретом, что не мешало появлению в гимназии запрещенных стихов К. Ф. Рылеева, экземпляров «Колокола». Возможным оказывались публикации гимназистов в газете по реформе образования в конце 1850-х гг. или их участие в спасении имущества пострадавших в знаменитом петербургском пожаре 1863 года. Общественные события не были закрыты от гимназистов, а запрет на интерес к ним был достаточно формальным.

В первой половине XIX века в младших классах петербургских гимназий учились максимальное число гимназистов низкого социального происхождения, которые по желанию родителей на этом заканчивали свое обучение. В 3—4 классы приходили или продолжали обучение дети, получившие дома элементарное начальное образование. Большинство мемуа-

ристов отмечают, что в 4—5 классах происходил своеобразный перелом: классы уменьшались до 20—30 человек, вырабатывая корпоративность. Характерной для воспоминаний является и то, что отвращения к науке, несмотря на низкое качество преподавания, в младших классах не возникало¹.

Огромное здание казенной гимназии с множеством разнопрофильных помещений, предназначенных для достаточно малого по современным меркам числа учащихся, производило на детей и родителей серьезное, хотя и противоречивое впечатление, демонстрируя, с одной стороны, элитарность школы, в которой предстояло учиться, с другой — ее холодность и официальность².

Первая, Третья, Шестая петербургские мужские гимназии считались более аристократическими по составу учащихся. Явно прослеживается, что в менее престижных гимназиях отношение к детям было более жестоким. Само товарищество гимназистов нивелировало социальные различия, гордиться происхождением и богатством среди гимназистов не было принято, чему в мемуарах много свидетельств³.

¹ Кони А. Ф. Из лет юности и старости. Воспоминания // Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-тт. Т. 7. М. 1969; Леваковский Н. Ю. Воспоминания // Русская старина. 1907. № 10. С. 128—136; № 11. С. 460—464; 1915. № 1. С. 188—202; Мамантов Н. Н. На школьной скамье 75 лет назад // Прошлое и настоящее. Л., 1924. В. 1. С. 40—54; Можайский И. П. Воспоминания (1838—1847) // Гимназия. 1889. № 11. С. 57—58; Петербургская бывшая Третья гимназия, ныне 13 советская трудовая школа. За 100 лет. Пг., 1923; Сент-Иллер К. К. Воспоминания казенного пансионера о Третьей петербургской гимназии (1845—1852) // Русская школа. 1898. № 4. С. 31—47; № 5/6. С. 39—55; Шамшин И. И. Дневник (о Первой петербургской гимназии) // Русская старина. 1916. Т. № 7 (167). С. 150—157; Щиглев В. Р. Воспоминания о В. И. Водовозове и Первой петербургской гимназии // Русская старина. 1886. № 11 (52).

² Петербургская бывшая Третья гимназия, ныне 13 советская трудовая школа. За 100 лет. Пг., 1923.

³ Там же.

Воспоминания отмечают скудость и низкое качество питания гимназистов, чему приводились разные объяснения: воспитатели, отнимавшие в виде наказания «казенные булки», экономия средств на питании, воровство гимназических экономов, неумение администрации разнообразить рацион. Поэтому не случайными представляются факты торговли съестным некоторыми предприимчивыми гимназистами и сторожами школы¹.

Но важнее отдельных ярких впечатлений мемуаристов представляется их общее понимание ценности гимназии. Несмотря на трудности, она создавала положительный образ школы. Суммируя воспоминания, можно сделать следующий вывод: отношение к гимназии существенно менялось с возрастом. В младших классах многим мемуаристам гимназия казалась тюрьмой, в старших она становилась alma-mater. Две причины создавали негативное впечатление: отсутствие самостоятельности, творчества гимназистов в ходе обучения и мелочное внимание к оценкам. Более всего гимназистам претило отношение официального равнодушия, сухого преподавания, пересилить которое не могли те привилегии, которыми пользовались гимназисты в дальнейшем.

На этом фоне частная гимназия и реальное училище К. И. Мая воспринимается как образец демократизма (в отношении учителей и учеников, старших и младших, богатых и бедных, учащихся разных национальнос-

тей и вер) и оптимальной для воспитания среды, выраженной во внимании ее директоров и педагогов к каждому гимназисту. Эти черты выражались в беспристрастности, в обязательной совместной молитве в актовом зале учителей и гимназистов всех вероисповеданий, в допущении полезных традиций, выработанных коллективом учащихся. Из 567 учащихся гимназии только 83 % были православными, доля евреев превышала 7 %, дети высокопоставленных и богатых родителей учились вместе с детьми интеллигенции и простолюдинов, многие представляли поколения учеников этой школы. Ко всем обращались здесь одинаково («на Вы» и по фамилии), без титулов, запрещая подвозить детей прямо к школе в экипажах и авто, хотя только 60 % гимназистов жили на Васильевском острове².

Таким образом, товарищество играло не меньшую воспитывающую роль, нежели создаваемая взрослыми воспитательная система петербургских гимназий.

В заключение следует отметить, что мемуары выпускников петербургских гимназий воспроизводят идеал петербургского гимназического педагога дореволюционной эпохи, который включал:

- увлечение педагога преподаваемым предметом, его способность заинтересовать учеников, сочетая доступное объяснение предмета с серьезностью его изучения, формирование культуры серьезных научных занятий учащихся;

¹ Там же.

² Благово Н. В., Лихачев Д. С. Школа на Васильевском. Л., 1989. С.151.

- умение беседовать с ними на волнующие их темы, наличие у педагога общественной позиции, убеждений, его принципиальность;

- «бедная независимость» педагога по отношению к начальству и к ученикам, безукоризненная справедливость в отношении к последним;

- поиск в каждом учащемся индивидуальности, а не ориентация на среднего ученика;

- спокойствие, вежливость, остроумие, отсутствие морализаторства.

Субкультура коллектива учащихся («товарищество») является еще одним действенным фактором самоорганизации школьной среды. Товарищество выполняло для дореволюционных петербургских школ две важнейшие функции: воспитывало само по себе (в единстве или вразрез с воспитательными усилиями педагогов) и корректировало последствия, которые создавались в результате негативной педагогической деятельности учебного заведения и всей городской системы образования.

Товарищество позволяло учащимся пережить воспитательный формализм и дисциплинарную жестокость, плохое питание и казенно-казарменный антураж школьного дизайна, педагогический непрофессионализм, учебные перегрузки и попытки насильственно оторвать учащихся от познания житейских и общественных проблем. Товарищество гимназистов, достаточно буйное и порой жестокое, с течением исторического времени (от первой ко второй половине XIX — началу XX веков) и по мере взросления учащихся постепенно эволюцио-

нировало к смягчению нравов и эволюции восприятия «школы-тюрьмы» к «школе-дому». Имея внутреннюю иерархию, оно спланировало, нивелировало социальные и этнические различия, прививало единые ценности коллектива, цементировалось передаваемыми обычаями.

Сложная социально-педагогическая система товарищества, носителями которой выступали старшеклассники, становилась самостоятельным элементом организации жизни учебного заведения, носителем его корпоративного духа и хранителем традиций, сохранявшихся даже в семьях в последующие годы.

На основе проведенного анализа можно сформировать комплекс черт оптимальной школьной среды петербургских гимназий, которыми она должна была обладать, по мнению учащихся. Такая школа должна была быть:

— реально обучающей, т. е. дающей не только формальные знания, но наглядно и доступно формирующей познавательные потребности каждого ученика, ценности научного познания, готовящей не только к успешной карьере, но заставляющей задумываться над общественными проблемами;

— справедливой, подлинно демократической, снимающей социальные противоречия, воспитывающей толерантное, уважительно-требовательное отношение как к ученику, так и к педагогу, позволяющей раскрыться различным формам детского творчества и самоорганизации;

— профессиональной, создающей коллектив подлинных педагогов по

призванию, равнодушных к проблемам ученика, формирующих атмосферу высокой духовности (поиска истины, творчества и служения);

— коллективной для товарищества учащихся и сообщества педагогов как целостности, когда их интересы, потребности детского развития и задачи профессионально-педагогической деятельности не вступают в непримиримое противоречие.

Можно сделать вывод, что две причины создавали общее негативное впечатление от петербургского учебного заведения: отсутствие в такой школе серьезной духовной работы, мысли и творчества учащихся в ходе обучения и мелочное внимание к оценкам, что было свойственно не только казенным, но и вполне престижным

частным гимназиям столицы. Более всего учащимся претило отношение официального к ним равнодушия, сухого формального преподавания, пережить которое не могли привилегии, которыми пользовались гимназисты в дальнейшем.

В завершение хотелось бы обратить внимание читателей на комплекс мемуарных текстов, приводимых в приложении к выпущенному изданию¹. Большинство из них издавалось единожды, только до революции и ныне известно только специалистам. В этих текстах представлено гораздо более (по числу и выразительности) примеров, которые позволяют провести их педагогическую экспертизу с позиций современного воспитания.

Список литературы

1. Бенуа, А. Мои воспоминания / А. Бенуа. — В 5 кн.: В 2 т. — 2 е изд., доп. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. — М.: Наука, 1990. — Т. 2. — Кн. 4, 5 / послесл. Г. Ю. Стернина, примеч. А. В. Андреевой и Г. Г. Поспелова. — 743 с.

2. Благово, Н. В. Школа на Васильевском / И. В. Благово, Д. С. Лихачев. — М.: Просвещение, 1990. — 159 с.

3. Вторая Санкт-Петербургская гимназия: 190 лет истории, 1805—1995: (По материалам Ист. записки, шк. музея и воспоминаниям выпускников) / Авт.-сост. Н. Е. Воробьев. — СПб., 1997. — 136 с.

4. Гнедич, П. П. Из прошлого наших гимназий / П. П. Гнедич // Русский вестник. — 1890. — № 4 (207). — С. 44—74.

5. Засосов, Д. А. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов: Записки очевидцев / Д. А. Засосов, В. И. Пызин; [Послесл., коммент. А. В. Степанов, к. иск. Федер. прогр. книгоизд. России. — 2-е изд., доп.]. — СПб.: Лениздат, 1999. — 413 с.

6. Иоффе, А. Ф. Моя жизнь и работа: Автобиографический очерк / А. Ф. Иоффе. — М.; Л.: Гос. технико-теорет. изд-во, 1933. — 58 с.

7. Кони, А. Ф. Из лет юности и старости. Воспоминания / А. Ф. Кони // Кони А.Ф. Собр. соч. в 8-тт. — Т. 7. — М., 1969 — 573 с.

8. Ковшов, Р. В. Кризисы отечественного школьного воспитания: история и

¹ Прим. ред.: Ковшов Р. В., Шевелев А. Н. Кризисы отечественного школьного воспитания: история и современность: монография. СПб: Изд-во «Любавич». 2016. 368 с.

современность: монография / Р. В. Ковшов, А. Н. Шевелев. — СПб. : Изд-во «Любавич», 2016. — 368 с.

9. Леваковский, Н. Ю. Воспоминания / Н. Ю. Леваковский // Русская старина. — 1907. — № 10. — С. 128–136; № 11. — С. 460–464; 1915. — № 1. — С. 188–202.

10. Лихачев, Д. С. «Я его так ясно помню...». Воспоминания о частной гимназии Лентговской / Д. С. Лихачев // Аврора. — 1981. — № 9. — С. 100–107.

11. Мамантов, Н. Н. На школьной скамье 75 лет назад / Н. Н. Мамантов // Прошлое и настоящее. — Л., 1924. — В. 1. — С. 40–54.

12. Можайский, И. П. Воспоминания (1838–1847) / И. П. Можайский // Гимназия. — 1889. — № 11. — С. 57–58.

13. Петербургская бывшая Третья гимназия, ныне 13 советская трудовая школа. За 100 лет. Воспоминания, статьи и материалы. — Пг. : Изд-во: Издание 13-й Советской трудовой школы, 1923. — 252 с.

14. 50-летие школы К. И. Мая (1856–1906). — СПб. : Издательство: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. — 197 с.

15. Сент-Иллер, К. К. Воспоминания казенного пансионера о Третьей петербургской гимназии (1845–1852) / К. К. Сент-Иллер // Русская школа. — 1898. — № 4. — С. 31–47; № 5/6. — С. 39–55.

16. Струмилин, С. Г. Из пережитого. 1897–1917 гг. / С. Г. Струмилин. — М. : Госполитиздат, 1957. — 288 с.

17. Успенский, Л. В. Мои школы / Л. В. Успенский // Семьяишкола. — 1971. — № 8, 9, 10.

18. Черепнин, Н. Н. Шестая петербургская гимназия моего времени (1883–1891) / Н. Н. Черепнин // Черепнин Н. Н. Воспоминания музыканта. — Л. : Музыка, 1976. — 128 с.

19. Шамшин, И. И. Дневник (о Первой петербургской гимназии) / И. И. Шамшин // Русская старина. — 1916. № 7 (167). — С. 150–157.

20. Циглев, В. Р. Воспоминания о В. И. Водовозове и Первой петербургской гимназии / Циглев // Русская старина. — 1886. — № 11 (52).